

К Р О К О Д И Л

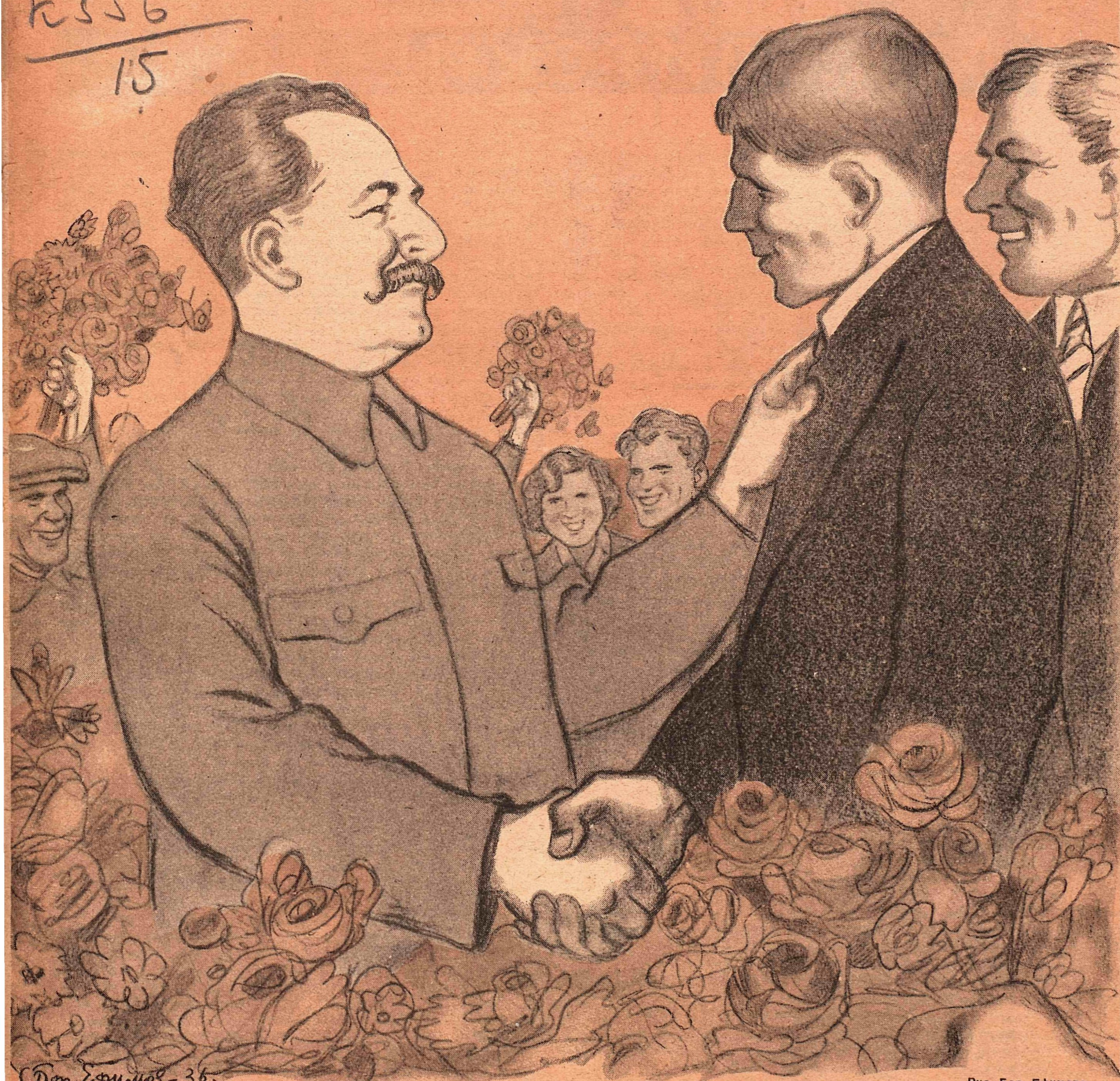
№ 28 ОКТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

СЛАВНОМУ НАРКОМУ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТВЕРДОКАМЕННОМУ БОЛЬШЕВИКУ, БЛИЖАЙШЕМУ СОРАТНИКУ ВЕЛИКОГО СТАЛИНА — СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ — В ДЕНЬ ЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ПЛАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ!

к 556
15

Бор. Ефимов - 36.

Рис. Бор. Ефимова

Если бы товарищ Серго пожал руку всем горячо приветствующим его в день пятидесятилетия, на это пришлось бы потратить не менее пятидесяти лет круглосуточной непрерывной рукопожательской работы. Ввиду практической невозможности и нецелесообразности этого товарищ Серго принимает привет миллионов в лице одного из лучших нашей родины — Алексея Стаханова. Желаем Вам, дорогой товарищ Серго, долголетия, исходя из интересов и лично Ваших и всей страны!

Снится товарищу Лифшицу сон. Ему снится, будто в его кабинет входят трое приезжих из Ростова на Дону. Они садятся за его обширный письменный стол, раскрывают портфели, вытаскивают оттуда бумаги и приступают к опросу.

Товарищ Лифшиц видит, что это из Партийного контроля. Только не та комиссия, которая приезжала летом, а другая.

— Товарищ Лифшиц, — спрашивает председатель комиссии, — вы секретарь Армавирского районного комитета партии?

— Да, — отвечает товарищ Лифшиц и чувствует, что у него зуб на зуб не попадает.

— Скажите, товарищ Лифшиц, что вы можете сказать по существу дела члена ВКП(б) вашей организации Петра Петровича Киселева?..

Товарищ Лифшиц чувствует, что у него подкашиваются ноги, он тяжело опускается на стул, вытирает носовым платком мгновенно вспотевший лоб и... просыпается. Он с удовольствием констатирует, что находится в своей постели, что никакой комиссии нет, что все ему приснилось.

— Привидится же этакая чертовщина! — огорчается товарищ Лифшиц.

Он надевает шлепанцы на босу ногу, подходит к столу, наливает стакан воды, выпивает его, успокоенный ложится снова под теплое одеяло и быстро засыпает.

В это самое время в доме № 144 по Комсомольской улице, в том самом доме, где еще недавно помещалась аптека, тяжело ворочается на постели инспектор пожарной охраны Мартыненко. Он скрипит зубами, что-то мычит, как будто его душит кошмар. И действительно, Мартыненко видит — который уже раз за этот год — неприятный сон. Будто его кто-то допрашивает. Судя по лицу — не армавирец.

— Скажите, гражданин Мартыненко, — спрашивает его незнакомый товарищ, — что вы можете сказать по делу Петра Петровича Киселева?

Мартыненко молчит.

— Это вы ходили к секретарю райкома товарищу Лифшицу с доносом на Киселева?

Мартыненко молчит.

— Вы не можете объяснить, что это за секретные причины, по которым вы предлагали Киселеву освободить квартиру, в которой он проживал?

Мартыненко скрежещет зубами и молчит.

— Скажите, гражданин Мартыненко, по каким причинам конспиративного характера вы перерезали электрические провода в квартире Киселева и запретили электрической станции снова включить туда свет?

Мартыненко пытается придумать какой-либо вразумительный ответ, но ответа не получается. Он пытается что-то сказать и с ужасом чувствует, что из его рта раздаются звуки собачьего лая. Он громко лает, пока не просыпается и констатирует с удовлетворением, что никто его ни о чем не спрашивал.

— То-то же, — говорит он и, вновь обретя спокойствие, поворачивается на другой бок и засыпает.

Как раз в это время в соседней квартире, в той самой, в которой не так давно проживал П. П. Киселев, снится сон заместителю председателя Армавирского горсовета, заведующему городским коммунальным отделом, гражданину Мастерову. Страстный любитель чужой жилплощади, он со сладострастием переживает во сне мельчайшие подробности своего вселения в эту квартиру. Перед ним, как в кино, проносятся отдельные, наиболее драматические кадры киселевской эпопеи.

Вот инструктор районного комитета партии Федотов вызывает к себе Киселева и предлагает ему беспрекословно оставить свою квартиру на Комсомольской улице и переехать на другую. Строптивый Киселев не соглашается. Федотов обращает внимание Киселева на то, что это — директива товарища Лифшица и что, не выполняя этой директивы, Киселев нарушает устав партии.

Вот товарищ Лифшиц 21 февраля вызывает к себе в кабинет Киселева, отбирает у него партийный билет, объявляет его арестованным, вызывает конвоиров и отправляет Киселева в дом предварительного заключения. Конечно, в этот же день в квартире Киселева производится обыск. Конечно, ничего не находят. Но зато арестовывают жену Киселева. Через два дня бюро районного комитета партии исключает Киселева из партии. Конечно, заочно.

Дальше все идет как по маслу. Раз Киселев и его жена в доме заключения, то стариков — родителей жены Киселева — просто грех держать в такой хорошей квартире.

Тут Мастеров с удовлетворением вспоминает об изобретенном его сотрудниками новом сильнодействующем средстве в борьбе за освобождение приглянувшейся квартиры — это специальная квартирная ставка «для контрреволюционеров». Вместо обычных тринадцати рублей тридцати восьми копеек со стариков потребовали сто восемь рублей восемьдесят девять копеек.

Наивный Киселев из дома заключения два раза обращался с просьбой прекратить безобразия, творимые домтрестом, как вы думаете к кому? К прокурору Яковенко, тому самому, который санкционировал арест Киселева и его жены, и который, конечно, не такой человек, чтобы ссориться с начальством!

— Молодец Яковенко, хороший парень! Не выдаст!

И действительно, Яковенко не выдал. Заявление Киселева было аккуратно положено в самый дальний уголок письменного стола. А через несколько дней прибыли подводы и дружные ребята из армавирского коммунтреста с воинственным криком: «Скорей, не задерживай, работать надо!» — вытащили вещи Киселевых из квартиры и перевезли их на окраину, на улицу Розы Люксембург, № 217, где семье Киселева и была предоставлена вполне достаточная для пяти человек площадь в девять квадратных метров. Развеселый управдом 6-го участка Боер пресек вконец упадочные настроения матери Киселевой и дал четкий, брызжущий

Проект юбилейного плаката.

юмором и безудержным оптимизмом рецепт, как им устроиться в новом помещении:

«Старика на кровать, сама под кровать, вещи в кучку, а завтра их на толкучку. Вот тебе и все».

Нет, гражданин Мастеров определенно доволен своим аппаратом и своим районным начальством. Его сон плавно переходит на другую тематику. Ему снится, как он уезжает на курорт, нето в Сочи, нето в Гагры и отдыхает там на фоне роскошной субтропической флоры...

В то время как гражданину Мастерову снятся сны про Сочи, про морские купанья и тому подобные приятности, на другом конце города, на улице Розы Люксембург, тяжело ворочается на своей кровати и никак не может уснуть Петр Петрович Киселев. Вот уже несколько месяцев, как его вместе с женой выпустили из дома заключения ввиду полного прекращения дела. С тех пор он много раз ходил к прокурору Яковенко, в домовый трест, в горкомхоз, не говоря уже конечно, о районном комитете партии. Пять месяцев он не может добиться работы. Пять месяцев не принимают на работу его жену. До сих пор гражданин Мастеров занимает квартиру и не собирается ее возвращать Киселеву. Киселев как-то намекнул Мастерову, что придется писать обо всех этих армавирских художествах в центр, но Мастеров уверенно ответил: «Отпишемся!»

В конце лета приезжали товарищи из аппарата уполномоченного Комиссии партийного контроля по Азово-Черноморскому краю. Они восстановили Киселева в партии и выразили пожелание, чтобы Киселеву предоставили более приличную квартиру. Но о возвращении Киселеву отобранной у него квартиры не заикнулись, точно так же, как не сочли нужным заинтересоваться, что это за странные причины повлекли за собой исключение честного коммуниста из рядов партии, арест его и его жены, издевательства над ее старыми родителями. Очевидно, они не сочли нужным заинтересоваться ролью некоторых руководящих партийных работников города Армавира во всей этой гнусной истории. Правда, кое-кто из армавирцев ожидал, что товарищи из края соберут собрание актива и выступят на нем с докладом на тему о том, как под носом армавирской партийной организации вот уже год нарушаются неприкосновенность личности и жилища незапятнанных граждан Советского союза. Ничего этого Комиссия не сделала...

Киселев ворочается с боку на бок. Невеселые думы не дают ему уснуть. Ночь подходит к концу. Серееет. Потом становится светло. Часы показывают восемь. Киселев выпивает стакан чаю и в который уже раз уходит в город искать справедливости.

Л. ЛАГИН

Рис. Ю. Ганфа

— Ты слышала? Гитлера-то, оказывается, к нам послал сам бог.

— Я так и думала, что тут что-нибудь религиозное. Не даром же мы постимся с тех пор, как он взял власть.

ИСПОРЧЕННЫЙ ВЕЧЕР

Я люблю бывать у Клепиковых. У них уютно, весело, непринужденно и закуска хорошая.

Тем более обидно, что вот приходится рассказать об одном испорченном вечере в этой милой семье.

Это было под прошлый выходной день. Собралось у Клепиковых много народу. Этак, чтоб не соврать, человек двенадцать. В том числе и я.

Само собой разумеется,—патефон. Белкин притащил откуда-то новые пластинки. Среди них одна очень замечательная румба: быстрая музыка, то и дело прерываемая очень страшными выкриками. Очаровательно, прямо описать невозможно.

Ну, конечно, потанцовали. А потом сели за стол. За чаем и пошли разговоры. Вот тут-то и развернулись события, которые испортили всем настроение. И мне в том числе.

Сначала все было чинно и благородно. Как полагается в хороших семейных домах. Говорили о Чарли Чаплине. Потом невзначай коснулись арбузов: дескать, в текущем году большой урожай. А затем разговор незаметно перешел к ширпотребу. Вот тут-то и началось.

А началось с того, что сосед Клепиковых, малорослый гражданин в зеленом галстуке, стал наводить нездоровую критику на всех присутствующих. И на меня в том числе.

Первым делом он ткнул пальцем в молодую гражданку Зеликину.

— Вот мы говорим, — сказал он, — ехидно прищурился глаз, — о воспитании у населения хорошего вкуса. А скажите, пожалуйста, милая гражданочка, что это за брошка на вашей кофточке? Белый голубь с красным хвостом! Это же, извините меня, безвкусица, мещанство...

Обиженная гражданка зарделась, как вишенка в саду, и поперхнулась горячим чаем. В защиту белого голубя с красным хвостом попытался было выступить муж Зеликиной, но зеленый галстук не дал ему и слова сказать. Он сразу повел атаку на мужа:

— Нечего сказать, хороши и вы, уважаемый товарищ. Как вам не совестно носить вот такую рубашку в синюю клетку? А какой это у вас, простите за выражение, воротничок?

Хозяйка дома, Марья Павловна, умная женщина, попыталась было свести все дело к шутке: сосед, мол, у них такой смехотвор. Но не успела она и рта открыть, как зеленый галстук надел на нее:

Рис. Л. Соифертиса

— Нет уж, позвольте, дорогая хозяйка. Тут уж, пожалуйста, как говорится, шутки в сторону. Вопрос очень наболевший. Вопрос, который меня очень волнует. Мы растем, богатеем. Желает жить культурной, зажиточной жизнью. А вкус у нас чорт знает какой! Взять хотя бы вот эти чашки, из которых вы так гостеприимно угощаете нас чаем...

И пошел, пошел. Хозяйка сидела еле живая. А он, зеленый галстук, начал зло издеваться и над посудой, и над мебелью, и над расцветкой материи на платье Марьи Павловны. Прямо не человек, а оратор. Всем присутствующим стало как-то не по себе. И мне в том числе.

Я, как вы изволили уже заметить, слушал, но молчал. Вообще не люблю встречать в чужие дела. Но тут я не выдержал, в чем до сего часа и раскаиваюсь. Я подошел к распоясавшемуся оратору и решил сделать умное замечание:

— На вкус и на цвет, — сказал я, иронически улыбаясь, — товарищей нет.

Он как глянет на меня и сразу хватается за галстук.

— Это, — говорит, — молодой человек, разве галстук? Это насмешка над человеческим достоинством, а не галстук! Какой-то идиот на фабрике усеял синим горохом кусок отворотительной материи, а вы, ничего не понимая, купили и ходите на званые вечера.

Конечно, с его стороны получилось довольно нахально — говорить в обществе такие слова по адресу принадлежности моего костюма. Про себя я даже впал за это в амбицию, но вслух своих мыслей не выражал, не желая обострять положения.

А зеленый галстук, не переводя дыхания, продолжал свою критику, затрагивая почти всех присутствующих. Обошел он молчанием только одного Метелкина, и то лишь потому, что означенный Метелкин тихонько улепетнул из комнаты, чувствуя кое-какие грешки за своим буро-малиновым пиджаком.

А в это время Белкин (тот самый Белкин, который пригласил румбу с выкриками) отозвал в сторону Клепикова и задал ему вопрос:

— Кто он, этот тип?

Клепиков с достоинством отвечает:

— Это не тип, а директор нашего универмага. Неужели не знаешь?..

Но Белкин уже разъярился. Он уже не слушает Клепикова. Подбегает к зеленому галстуку и стремительно начинает дискуссию:

— Вот вы, почтеннейший, очень правильно рассуждали здесь о вкусах. Но позвольте вам напомнить, почтеннейший, что директором универмага являюсь не я, не он (Белкин указал на меня, и я в знак полного согласия кивнул головой), а вы! И если мы все покупаем дрянь, то эту дрянь мы покупаем у вас, почтеннейший. Спрашивается: зачем же вы, почтеннейший, торгуете дрянью?..

Белкин закончил свою речь и победоносным взглядом отглядел директора универмага. Выступление Белкина понравилось всем присутствующим. В том числе и мне.

По этому поводу мы все зашумели. Директор хотел что-то возразить. Но в это время раздался стук в дверь. Вошла довольно интересная гражданка. Она была очень хорошо и со вкусом одета.

Хозяйка шепнула нам, что это жена зеленого галстука, что надо прекратить спор и перевести разговор на другие рельсы. Мы послушались и стали толковать о погоде, пошли разговоры в таком роде: когда идут дожди, заводится сырость, и наоборот.

Наши женщины обступили жену директора. Уж больно заинтересовались они все беретом, жакетом, платьем. Такие прекрасные вещи!

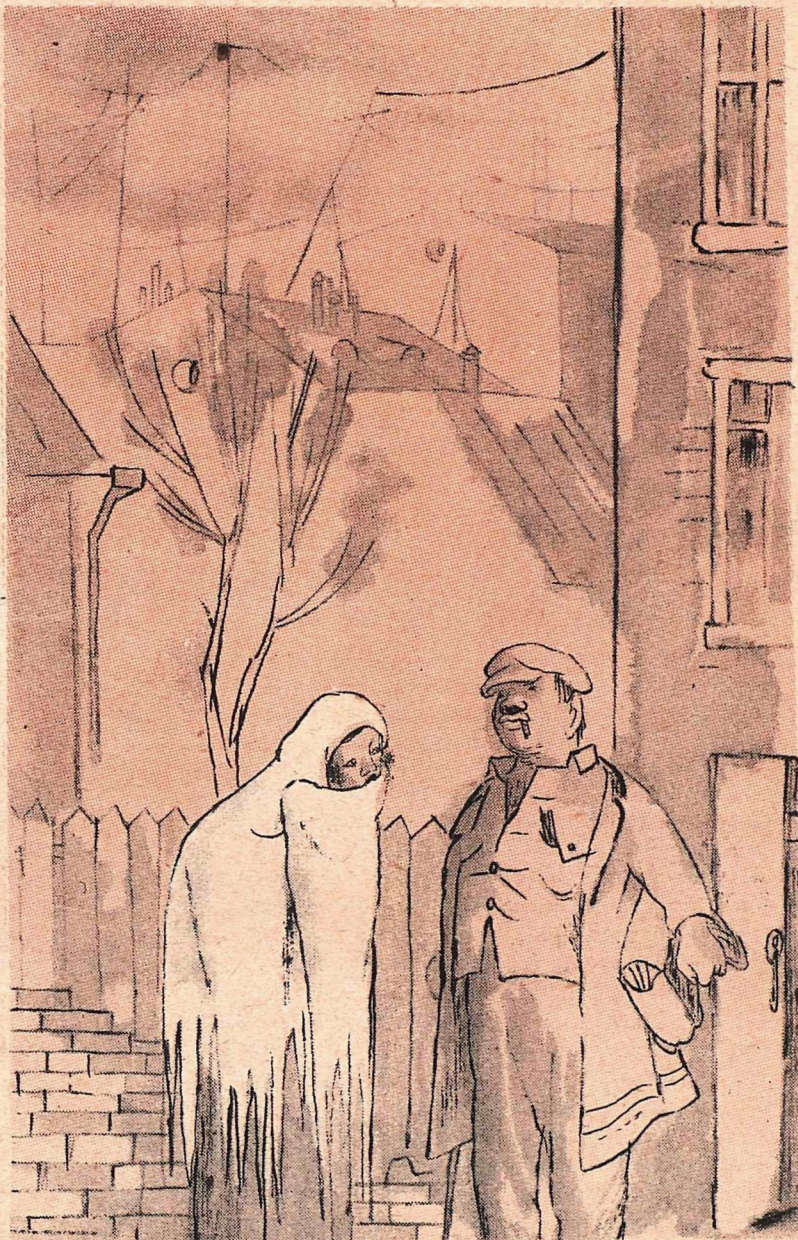
— Где это вы все покупали? Неужели в нашем универмаге?

Жена директора обиделась:

— Что вы! Разве в нашем универмаге есть что-нибудь приличное? Одна безвкусица. Это он (жестом в сторону зеленого галстука) достал мне это все, будучи в командировке в Москве. О, у Миши (жест в сторону зеленого галстука) прекрасный вкус!..

Тут все присутствующие многозначительно переглянулись. В том числе и я.

Г. РЫКЛИН

— Когда же печи исправите? Ведь скоро зима, а кирпич все еще на дворе.

— Не беспокойтесь, кирпич не портится от мороза.

БИЙСКИЕ СТРОГОСТИ

Без строгости нельзя. Раз человек хулиганит — виновный в административном порядке подвергается штрафу на месте в сумме трех рублей. Если зарвавшийся житель города Бийска и после этого совершит хулиганский поступок, тогда — штраф сто рублей или исправтрудработы сроком до одного месяца. Что же касается убийства, то тут никакой скидки беспощадный Бийский городской совет не дает. В случае убийства виновный сразу подвергается штрафу в размере 100 рублей. Удивляетесь? Сами не верили, пока не ознакомились с обязательным постановлением Бийского городского совета от 1 июля 1936 года под названием «О борьбе с хулиганством». Там написано:

«При повторных случаях хулиганства, или если хулиганские действия заключались в убийстве или в бесчинстве упорно не прекращались, несмотря на предупреждение, виновный подвергается штрафу в размере ста рублей или исправтрудработам до одного месяца. В особо злостных случаях привлекаются к уголовной ответственности по 74 ст. У. К.».

Там же сказано:

«Настоящее обязательное постановление вступает в силу с момента опубликования и действует в течение двух лет.

Председатель Горсовета Зенков.
Ответственный секретарь Кулькос».

Остается непонятным: будет ли через два года после опубликования этого нелепого постановления виновный в убийстве привлекаться к более суровым мерам наказания в соответствии с уголовным кодексом или же, наоборот, через два года и эти небольшие меры взыскания отпадут за чрезмерной их строгостью.

История болезни

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома. Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои невероятные страдания.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, записывают его в книге, и вдруг он читает на стене плакат «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моем организме, может быть, она на волоске висит — и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

— Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Все-таки, говорю, больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его, — лекпом — удивился, что я ему так сказал, и говорит:

— Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, говорит, наводит на все самокритику. Если, говорю, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а нето мы, действительно, от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим фельдшером схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

— Вот погоди, гражданин лекпом, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, говорю, можно больным такие речи слушать? Это, говорю, морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжело больной так свободно с ним объясняется, и сразу замая разговор. И тут сестричка подскочила:

— Пойдемте, говорит, больной, на обмывочный пункт. Но от этих слов меня тоже передернуло.

— Лучше бы, говорю, называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю, красивей и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

— Даром что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суете.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собаки, привели — в дамскую ванну? Тут, говорю, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

— Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайтесь внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набурим вам свежей воды.

Я говорю:

— Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне, говорю, определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

— Я, говорит, первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиряющая старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около 40 температуры, и она ничего в расчет не принимает и все видит, как сквозь сито. И уж во всяком случае ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пять минут. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере, тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные тререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

— Вынимайте, говорит, меня из воды, или, говорит, я сама сейчас выйду и всех тут вас распатронию.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всем поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, белье. Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это — нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубашках, а большие — в маленьких.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубашке больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили они меня в небольшую палату, но, тем не менее, там лежало до тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжело больные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

— Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, говорю, каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел.

Та говорит:

— Может быть, вас прикажут положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него вдруг пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял свое сознание.

Только очнувшись я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

— Ну, говорит, у вас прямо двуужильный организм. Вы, говорит, сквозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением, что не так-то часто бывает в нашей больнице.

Я говорю:

— А какие тут у вас больные? И каких заболеваний мне надо страшиться?

Сестра говорит:

— Вы, говорит, как нарочно попали в такую палату, где случайно есть почти все существующие современные болезни.

Я, конечно, встал в уныние, однако организм мой не поддавался этим болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием — коклюшем.

Сестричка говорит:

— Это вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже пошли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас современным пройдет».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

— У вас только восемь дней перебор, и то вы ерепенились и поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят. Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

— Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: по получении сего срочно явиться за телом вашего мужа.

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побегать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома.

Мих. ЗОЩЕНКО

НАУКА И ТЕХНИКА

(ПРОЕКТЫ, ИЗОБРЕТЕНИЯ И

Отдел ведет засл. деят.

НАУЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

М. М. Конопляников-Зуев

ОКНОСКОП

Скобяной товар за последнее время заметно улучшился. Уже начали выпускать хорошенькие задвижки, приличные шпингалеты и прочий мелкий товар, вполне могущий украсить любую квартиру.

Однако вопрос об оконных стеклах стоит еще очень остро. Товар этот выпускается нередко со всякими пузырьками, с лупырушками и с прочими досадными дефектами.

И нередко квартирант, пожелавший взглянуть из окон на улицу, принужден довольствоваться искаженным и перекошенным видом: деревья через такое стекло как-то особенно искривляются; люди выглядят уродцами; собаки достигают размера слонов. И так далее.

Как избежать этих ненормальностей? Как достичь того, чтобы уставший квартирант мог увидеть нормальную красивую панораму, достойную его самого?

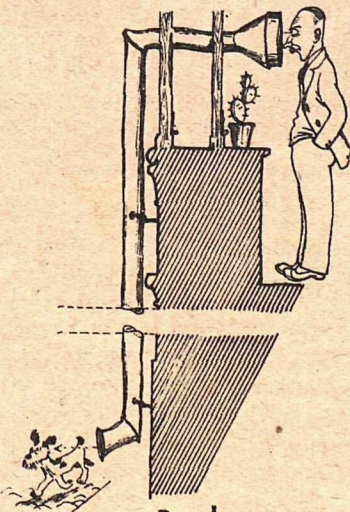

Рис. 1

Неужели же для этого надо открывать настежь окна и тем самым простужаться и

схватывать плеврит и так далее? Или неужели же надо вставлять новые стекла, тратя на это деньги и время? Да и какая гарантия, что вновь купленные стекла не будут снова искажать мир в его природной красоте и величии?

Тут мы предлагаем проект небольшого изобретения, в принцип которого положен популярный морской прибор—перископ (см. рис. 1).

Просверливается дырка в оконном переплете и туда вставляется коленчатая трубка, снабженная стеклами или даже без них. И квартирант через эту трубку вполне может без всяких помех наблюдать внешний мир. Ясность и отчетливость предметов изумительные, и процент искажения ничтожный.

Наш прибор назван Окноскоп.

За справками обращаться к коменданту журнала Ивану Афанасьевичу Фролову.

ОБЪЕКТЫ

В СТУДИЮ ЭХФИЛЬМ

от сценариста Н. Ф. КОСОУСОВА

Заявка на киносценарий

«ШАЙКА ЛЮБВИ»

В мужском отделении бань второго разряда имени Марата служит гардеробщиком юный Василий. А в женском отделении тех же бань работает банщицей быстроглазая Катя. Оба ведут борьбу за пропускаемость бань и против пропадаемости белья. За Катей ухаживает еще гардеробщик Прохор, у которого обслуживаемость посетителей гораздо хуже чем у Василия. Но вот пропадаемость белья у Василия делает резкий скачок: у одного из посетителей на обслуживаемом Василием диване украдены кальсоны и цепочка от часов. Тогда Катя резко отшатывается от Василия и проявляет склонность к Прохору. Но Василий, несклонный к растеряемости, обращается в уголовный розыск, в котором очень высока раскрываемость преступлений. И сразу же установлено, что кражу совершил Прохор. Василий и Катя мирятся и удвоенными силами борются за пропускаемость и против пропадаемости.

2.000 (две тысячи) рублей, согласно договора на сценарий «Шайка любви», получила Н. Косоусов

II

Н. Косоусов

БАНЩИЦА ЛЮБИТ («ШАЙКА ЛЮБВИ»)

(либретто полнометражного звукового фильма)

Шумный предбанник бань имени Марата полон народу. Юный гардеробщик Василий, зорко следя за посетителями, чтобы они не задерживались и тем самым не снижали полезную пропускаемость, но чтобы и не воровали друг у друга носильных вещей и тем не повышали вредную пропадаемость, зорко следя за этим, находит еще время глянуть в то и дело раскрывающуюся дверь под'езда: там через площадку работает в женском отделении быстроглазая Катя, и по специфике своей работы Василий даже не смеет навестить Катю до конца рабочего дня...

А через два дивана от Василия незаметно для него следят за ним злобно прищуренные глаза гардеробщика Прохора. Губы Прохора беззвучно шепчут угрозы по адресу Василия...

и т. д. на 10 страницах.

Расписка

3.000 (три тысячи) рублей, согласно договора за сценарий «Банщица любит» («Шайка любви»), получила Н. Косоусов

Н. Косоусов

ПАР И ЛЮБОВЬ

(«БАНЩИЦА ЛЮБИТ»), («ШАЙКА ЛЮБВИ»)
(литературный сценарий полнометражного звукового фильма)

Если бы нужно было определить, что является наиболее характерным для предбанника бань второго разряда имени Марата в те часы, когда шумная и веселая, кряхтящая и взвизгивающая толпа посетителей заполняет его, то, конечно, всякий сказал бы: «Крики и пар».

И в самом деле. Громкие голоса вымывшихся и направляющихся мыться людей раздаются из клубов пара, которые вырываются из за визжащей двери в мыльное отделение, проходят через весь предбанник, с тем чтобы уйти в вестибюль через другую, не менее визжащую дверь...

Мимо крайних диванов, почти у самой двери, выходящей в вестибюль, прогуливается гардеробщик Василий. У него высокий лоб Данте и печальные, лермонтовские глаза.

— Подвиньтесь, гражданин, — говорит Василий посетителю, — тут на диване еще на двое штанов места хватит... А часики лучше сдайте мне, нето пропадут — медведь будет отвечать...

Но всякий раз, как скрипит дверь в под'езде, юный гардеробщик вздрагивает. Он выглядывает в вестибюль.

Напротив двери из мужского предбанника другая дверь.

Она ведет в женское отделение.

Вот и женский предбанник.

Тот же пар, но голоса уже не те: они выше, звонче, чаще...

Быстроглазая банщица Катя властной походкой идет между диванов.

В руках у нее шайка с мерно и мягко плещущейся водой...

и т. д. на 80 страницах.

15.000 (пятнадцать тысяч) рублей в счет окончательной расценки за литературный сценарий «Пар и любовь», «Банщица любит», «Шайка любви» получила Н. Косоусов

IV

ПРЕДБАННИК ЗОВЕТ

(«ПАР И ЛЮБОВЬ»), («БАНЩИЦА ЛЮБИТ»), («ШАЙКА ЛЮБВИ»)

сценарий Н. Косоусова

Режиссерский сценарий режиссера студии Эхфильм
С. П. Шлагбаума

1. На экране возникает пар.
2. Пар.
3. Пар и крики. Разные.
4. Крики. Пар.
5. Крупно: Василий улыбается.
6. Улыбается Василий.
7. Говорит Василий: «С легким паром, хе-хе!..»
8. Ловкие руки Василия накидывают простыню на чью-то спину.

часть истории

9. Хлопают по спине руки Василия.
Голос вне кадра:
— Гардеробщик! А где моя толстовка задевалась?!
10. Наклоняется к дивану Василий.
11. Голос Василия:
— Вот она, ваша толстовка... Кто на нее польстится?..
12. Скрипит дверь в вестибюль: уходит распаренный некто.
13. Жадными глазами глядит Василий на дверь.
14. Наплывом на дверь: вестибюль и в нем другая дверь.
15. Наплывом на вестибюль: женский предбанник весь в пару, как и мужской.
16. Наплывом на...

и т. д. на 100 страницах.

Оклад за два месяца работы над режиссерским сценарием "Предбанник зовет" ("Пар и любовь", "Банщица любит" "Шайка любви") из расчета 1500 р. в месяц, а всего 3000 рубл. получил режиссер *С. Шлагбаум*

V

Аванс в своей личной переделке в сценарии "Предбанник зовет" в сумме три тысячи рублей получил литератор Л. Курдюков

Л. Курдюков

Исправления к сценарию «С ЛЕГКИМ ПАРОМ»:
(«ПРЕДБАНИК ЗОВЕТ»), («ПАР И ЛЮБОВЬ»),
(«БАНЩИЦА ЛЮБИТ»), («ШАЙКА ЛЮБВИ»).

Ввиду того что на режиссерской коллегии Эхфильма признано было желательным перенесение всего фильма в план комедии, мною совместно с режиссером С. П. Шлагбаумом пересмотрен весь сценарий, который теперь начинается так:

1. Пар. Из-за пара — визг и смех. Голос:
— Ой, пусти!.. Ой, щекотно!.. Ой, щекотушки боюсь, ой, пусти!..
2. Банщик похлопывает по животу толстого человека, который бьется в его руках и визжит:
— Ой, пусти, чорт!.. Ух-ху-ху!..
3. Здоровенный голый человек засмотрелся на эту сцену, шагнул и попал ногой в шайку с кипятком.
4. Воет, трясая ошпаренной ногой, здоровяк.
Визжит человек под руками банщика...

и т. д. на 80 страницах.

Пять тысяч рублей в окончател. расчет за работу по переделке сценария "С легким паром" получил Л. Курдюков

VI

РАСПИСКА.

Две тысячи рублей авансом в счет написания диалогов и надписей к картине "С легким паром" получил
Литератор *А. Иваненко*

Надписи и диалоги к фильму «Кража в бане» («С легким паром», «Предбанник зовет», «Пар и любовь», «Банщица любит», «Шайка любви»):

1. Просят граждан в чужие штаны не одеваться.
2. — Вася, кваску бы...
3. — Сей минут!
4. — Эй, мозолями займитесь кто-нибудь!..

и т. д. на 5 страницах.

В окончательный расчет за написанные к фильму "С легким паром" ("Кража в бане", "Предбанник зовет" и т. д.) диалоги и надписи авансом 2000 руб. получил литератор А. Иваненко

VII

Авансом за исправление сценария "Смысль беле" ("Кража в бане", "С легким паром" и т. д.) получил авансом две тысячи рублей литератор К. Творческий

Ввиду того что дирекцией студии Эхфильма решено, что фильм «Наши бани» («Смысль беле», «Кража в бане» и т. д.) должен быть построен на хроникальном фактическом материале, мною совместно с режиссером С. П. Шлагбаумом внесены исправления, в силу которых сценарий начинается так:

1. Фасад бань № 8 Антюхинского района.
2. Труба бань. Идет дым.
3. Заведующий баней тов. Ерофеев у себя в кабинете.
4. Зав. райкомхозом тов. Прицын у себя в кабинете.
5. Председатель райсовета тов. Тимошенко у себя в кабинете.
6. Очередь посетителей в кассу бань...

и т. д. на 80 страницах.

В окончательный расчет за исправление сценария «Наши бани» получил авансом 2500 (две тысячи пятьсот) руб. Л. Творческий

VIII

БУХГАЛТЕРИИ

Ввиду признания сценария «Наши бани» («Смысль беле», «Кража в бане» и т. д.) неактуальным и антихудожественным, счет этого фильма закрыть. Истраченные на написание и переделки 35 000 рублей, а также на заработную плату сменной бригаде режиссера Шлагбаума 25 000 рублей списать в убыток.

Директор студии Эхфильма
(подпись неразборчива).

Конец

В. АРДОВ

Миссис Бутерброд

Если газеты принесут рано, Никитична, домашняя работница Куликовых, берет их себе почитать. Кряхтя, она вытаскивает из-под кровати свою корзину и достает большие черепаховые очки. В очках, надетых на самый кончик носа, Никитична похожа на престарелого английского сановника и очень сама себе нравится. Очки ее, впрочем, только и несут эти чисто декоративные функции, ибо, читая, старуха все равно смотрит поверх стекол, к которым никак не может привыкнуть.

Читает Никитична долго и все подряд, но начинает чтение с последней страницы, при этом беззвучно шевелит губами и кивает головой, будто беседует с невидимым собеседником. Злобное фырканье вскипевшего на газовой плите чайника застает ее на середине пространной заметки об очередных задачах промышленного кредита.

Вздвигнув, Никитична снимает с плиты чайник и идет будить Юру Куликова, которому пора в школу.

Юра сладко спит, положив под щеку ладонь. Он улыбается во сне. Как известно, под утро всегда снятся самые интересные сны. Юра куда-то плывет на трехмачтовом бриге из «Детей капитана Гранта», а над ними бреющим полетом пронесится гидросамолет, и летчик с лицом милейшего Паганеля кричит ему:

— Пора, пора!

— Паганель! — говорит Юра. — Когда вы успели стать летчиком, Паганель?

— Какая я тебе Паганель, — сердито отвечает славный географ. — Ишь завел какую моду — спросонок ругаться. Вставай, вставай, а то вот опоздаешь, тогда будет тебе Паганель!

Юра открывает глаза и видит этажерку с книгами, карту Испании на стене и Никитичну в дверях. Солнце ломится в окно, басовитый гул летящего низко самолета доносится с улицы. Утро...

Умывшись, Юра идет на кухню за газетами:

— Никитична, газеты приносили?

— Приносили, приносили.

— И «Пионерскую» принесли?

— Все тут, ни одна не убежала.

Юра берет газеты и, заметив, что не ему выпала сегодня честь первому открыть плотный, вкусно пахнущий газетный лист, огорченно замечает:

— Читала, поди, уже. Что интересного сегодня в газетах?

— Ничего такого интересного нету. Домашнюю работницу одну горшком по голове наверху. Она, значит, шла себе за хлебом, а он, горшок-то, возьми

и свалился со второго этажа прямо ей на макушку. Отвезли в больницу, пишут.

— Ну, это — происшествие. А еще что?

— А еще пишут за кредит. Дескать, надо бороться, так и далее.

— Чепуху ты городишь, Никитична. Про Испанию-то что пишут? Взяли республиканцы Альказар?

Никитична вздыхает:

— До Испании я, Юрочка, не дошла. Туточки как раз чайник вскипел.

Потрясенный Юра Куликов от негодования секунду стоит с широко открытым ртом, потом кричит на всю кухню, забывая, что кругом еще спят:

— Ты, Никитична, ей-богу, спятила! Все, буквально весь мир, следят за Испанией, а ты, кроме происшествий, ничего в газете не читаешь! Нельзя быть такой ужасно политически неграмотной!

— Я нешто виновата, что он вскипел? — смущенно бормочет старуха. — Я только до этого... до кредита добралась, а он — фырк! — гляди: все залил. Кабы мне твои глаза да грамоту твою...

— Все равно! Из-за какого-то паршивого чайника не посмотреть, как дела под Альказаром! Как тебе не стыдно, Никитична!

— И ни чуточку мне не стыдно! Вот выкипел бы весь чайник, с чего бы ты чай пил? С Альказара своего, что ли? Грамотный больно стал, на старух кидаться!

По дороге в школу Юра Куликов обдумывает столкновение с домашней работницей и приходит к выводу, что он как пионер обязан усилить политико-воспитательную работу среди Никитичны, каковую работу ведет уже давно.

«Туго она поддается очень политическому воспитанию», — размышляет Юра, незаметно для самого себя перепрыгивая на ходу через тумбы. — Например сколько раз я читал ей про Дальний Восток и Японию, а она третьего дня сказала, что, мол, раз китайцы хотят с нами воевать, зачем им позволяют держать прачечные в Москве? Орга-

низовал ей вылазку в театр, — продолжает горько размышлять Юра Куликов, — чтобы культурный уровень ее поднять. Билет ей достал в Камерный, на «Не сдадимся». Вернулась недовольная. Говорит: «Я надеялась, что собаки будут представлять, а там люди — как люди». Ужас, какая отсталая старуха! Другой такой старухи во всей Москве не отыскать. Надо будет на нее приналечь. Сегодня же проведу с ней беседу об Испании».

...Пронесится шумный, стремительный московский день. Юру Куликова вызывают по географии, и географ, желчный и сухой, совсем непохожий на добряка Паганеля, в едливо допрашивает Юру насчет климата, флоры и фауны Пиренейских гор. Эх, спросил бы ты, язва, лучше про осаду Альказара! Тем не менее скучноватый допрос сходит благополучно. А после уроков Юру и еще одного мальчика выбирают делегатами — отвезти в «Пионерскую правду» собранные классом для испанских ребят сорок один рубль тридцать четыре копейки и одну серебряную брошку-бабочку, что принесла из дому Зинка Блинова.

Домой Юра попадает уже под вечер и, наскоро пообедав, устремляется на кухню проводить политбеседу с Никитичной.

Никитична сидит в своей каморке и пьет чай с вишневым вареньем, громко дует на блюдце, которое держит по-старинке на вытянутой ладони, придерживая пальцами.

— Никитична, — деловито начинает Юра Куликов, — мне нужно с тобой поговорить.

— Говори, я тебе не препятствую.

— Видишь ли, Никитична, сейчас на Испанию смотрит весь мир. Понимаешь? Весь мир, кроме тебя. Ведь там фашисты такое делают, что просто ужас!

Никитична молча кивает головой и тут же отправляет в рот очередную ложку с вареньем.

— Все, буквально все, интересуются сражениями с фашистами и собирают деньги для испанцев. Все, кроме тебя. У нас в классе собрали сорок один рубль тридцать четыре копейки.

— Сколько?

— Сорок один рубль тридцать четыре копейки. И драгоценная брошка. Зинка Блинова сказала, что она рублей семь стоит.

— Значит, ежели с брошкой считать, вы собрали сорок восемь рублей тридцать четыре копейки? — хитро щурясь, спрашивает старуха.

Гитлеровская четырехлетка в действии

— Правильно. И все кругом собирают. Кроме тебя.

Никитична ставит на стол стакан, охая лезет под кровать, зачем-то вытаскивает свою корзинку и, порывшись, извлекает из глубин ее какую-то бумажку.

— Читай, грамотный, — говорит она ехидно торжествующим голосом, протягивая Юре бумажку.

Юра громко читает:

«Квитанция. Принято от А. Н. Прохоровой в фонд помощи женщинам и детям революционной Испании пятьдесят один рубль двадцать пять копеек, собранные ею среди домашних работников и хозяек дома № 87 по Старокопюшенному переулку».

— Молодец, Никитична! — кричит удивленный Юра Куликов. — Когда же это ты успела?

— Сегодня успела. Как ты в школу ушел, я акурат все и прочитала. Это внутри газетины было напечатано, а я утречком-то до нутренности не дошла. Прочитала, у мамыши твоей отпросилась и шасть на двор, к нашим бабочкам. За час всех обошла. На такое де-

ло все с великой охотой давали. Докторская Дуняшка пять рублей отвалила, а я — семь с полтиной. Моя копейка тоже, видишь, не щербатая. Может, какой лишней бутерброд испанскому мальчишке, вроде тебя, достанется.

Глаза у Никитичны сияют, распаренный нос блестит, седые волосы выбились из-под темного платка. Она не может скрыть своей отчаянной гордости.

— Весь ваш класс перекрыла. На трешку, на целую! Во как! Молодец, Никитична! — повторяет Юра Куликов, чувствуя, однако, легкую досаду от сознания, что политбеседа с Никитичной теперь, пожалуй, ненужна. — Молодец, честное ленинское! Давай пять!

Старуха и мальчик крепко жмут друг другу руки.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

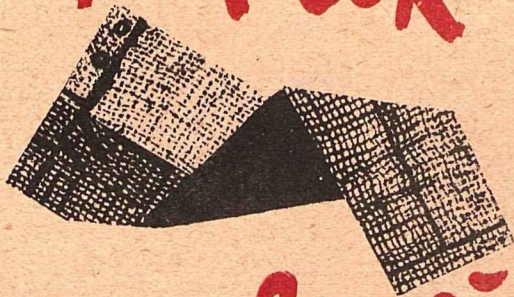

Рис. Ю. Ганфа

И С Ч Е Р П Ы В А Ю Щ И Й О Т В Е Т

— Куда ведет эта дорога, герр Мюллер?
— К войне.

Крах

полезной лжности

Недавно я зашел в магазин купить себе брюки. Был чудный летний день, ясный, солнечный. Настроение у меня было прекрасное, и, напевая какую-то веселую песенку, подошел я к прилавку. Продавец, высокий тощий человек с необычайно печальной физиономией, поглядел на меня презрительно и недружелюбно.

— Брюки, — сказал я.

— Что? — спросил он с таким видом, будто бы я его чем-нибудь оскорбил.

— Брюки, — повторил я, — вот эти брюки.

— Нет у нас никаких брюк, — сказал он и, будучи не в силах скрыть свою вражду ко мне, отвернулся.

— Да вот же они, — пролепетал я робко. — Вон у вас их целая горка. Мне, знаете, как раз нужны в полоску. Я очень люблю полоску.

— Нет вашего размера, — сказал продавец.

Вид полосатых брюк, которых было, по меньшей мере, пар пятьдесят, воодушевил меня.

— Я чувствую, — сказал я, — это мой размер.

— Это нас не интересует, — пробурчал он, — что вы чувствуете.

И тут я вышел из себя.

— Безобразия! — закричал я. — Это чорт знает что. Да я вас сейчас...

И тут, к удивлению моему, на лице продавца появилась улыбка. Она показала мне почти ласковой. Он глядел на меня с благодарностью, точно почувствовал к дальнейшим выкрикам. Неожиданно лицо его приняло таинственное выражение, он оглянулся по сторонам, поманил меня пальцем, а когда я подошел, сказал шопотом:

— Сделаем.

— Что? — спросил я недоумевая. — Что сделаете?

— Брюки, — сказал он. — Брюки сделаем.

— Да ну? — сказал я еще тише чем он, заражаясь его настроением.

— Одним словом, устроим, — прошептал он.

Он оглянулся по сторонам, взял из горки пару брюк и протянул их мне.

— Ступайте померьте, вон туда, — скорей понял я по шевелению его губ и выражению глаз, чем услышал.

Я тоже зачем-то оглянулся и побежал за ширму.

Брюки оказались вполне пригодными.

— Платите деньги, — сказал он, выписывая квитанцию. — Только для вас.

У кассы я обнаружил еще нескольких граждан, таких же, как я, озирающихся и способных при любом возгласе или крике броситься бежать, куда глаза глядят. Мы собрались у кассы, несколько подозрительных граждан, с видом людей, торопящихся смыть кровь с рук после совершенного убийства. Мы собрались, оглядели друг друга и таинственно разошлись.

Когда я протянул чек продавцу, он с тоской осмотрел брюки и, заворачивая их в бумагу, сказал с горечью:

— Какие брюки пропадают.

— Как то есть пропадают? — спросил я. — Я их носить буду.

— А то нет, — сказал он ехидно. — По-вашему не пропадают. Бывало, из-за таких брюк драка около прилавка, а теперь каждый подошел — и дай ему брюки. Уйду я отсюда.

— Куда же вы уйдете? — спросил я его.

— В шофера такси, — сказал он. — Там еще человек живет. А у нас жизнь кончилась. Бывало, приходит ко мне сюда человек и прямо в ноги. Иван, говорит, Семенович, только вы и бог можете достать на сегодняшний день ластик для подкладки. Мне, говорит, завтра заказчику серую тройку сдавать. А я отвечаю: извиняюсь, говорю, вот вряд ли вам кто-нибудь достанет. Синий ластик он, может быть, вам и достанет, хотя тоже сомневаюсь, а что касательно черного ластика под серый пиджак, то его есть только два куса на свете. И оба в моем распоряжении. Ну что, бывало, с человеком твориться начинает, когда он чувствует, что поблизости ластик.

На глазах продавца появились слезы. Крупные слезы, которые всегда появляются на глазах чувствительных людей, когда на них нахлынут радостные воспоминания.

— Жена от меня ушла, — сказал он.

— Да ну?

— А что ей теперь со мной жить? Она и полюбила меня тут вот, в этом магазине, около этого прилавка. День был вроде сегодняшнего: весенний, ясный. Идет она мимо, стройная... А я как молодой человек, с 1925 года ни разу не женатый... Блондинка, а глаза темные. Подходит ко мне. А в тот самый день шолковой тесемки нигде не

было. Ну вот, скажите сейчас смерть, и нет ее, а у меня под прилавком двести метров этой тесемки...

— Почему под прилавком? — спросил я и тут же раскаялся: еще никто, никогда в жизни не смотрел на меня так презрительно.

— Чем занимаетесь? — спросил он.

— Писатель.

— Учат, учат вас, а все даром. Где я ее, тесемку, держал по-вашему, на прилавке? Как теперь эти брюки? Чтобы их каждый видел? И чтобы каждый распоряжался?! Ну идет она, и каждый шаг ее в сердце моем отдается.

— Вам, может быть, тесемка нужна? — спрашиваю.

— Зачем насмешничаете? — говорит.

— Когда я влюблен, для меня нет ничего на свете невозможного, такой я человек.

— В меня многие влюблены, — отвечает, — но человек человеком так и останется. Человек — не бог.

— Я тут вынимаю все двести метров этой самой тесемки и кладу перед ней на прилавок.

Он помолчал.

— Любила она меня, полтора года прожили. Ах, как она меня любила! Теперь ушла. За шофера такси вышла. Они, пока что, люди. Но, говорят, буд-то, и им машин добавляют. А я откровенно говоря, ее не обвиняю. Кто я теперь? Обыкновенный человек, как все. А бывало, зайдешь в общество, человек я, откровенно говоря, малограмотный, учиться не люблю, а тут вокруг все люди с образованием, инженеры всякие и вообще выдающийся народ. Ну, какой-нибудь ученый человек рассказывает о достижениях науки и техники, о том, как, например, атомное ядро разлагается. Все больше говорили в таких обществах об атомных ядрах и все уши развесили. А ты сидишь и ждешь, когда он передышку сделает. Дождешься и скажешь так равнодушно:

— Насчет ядра я, так сказать, ничего сказать не могу, но получили мы вчера партию демисезонных пальто... То есть что тут начинает происходить вокруг! Непередаваемо! Меня к столу ведут на почетное место, ближе к зернистой икре. На брудершафт каждый нарывает с тобою выпить. Да вы знаете, с какими людьми я тогда на брудершафт выпивал! Почетным председателем домкома я три раза избирался...

Я вышел на улицу, яркое солнце стояло в небе, веселая нарядная толпа шла мне навстречу. Москва звенела. Я вспомнил о человеке, оставшемся в магазине.

Я человек добрый. Это все знают. Но я ему не сочувствую.

КОНСТАНТИН ФИНН

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый товарищ
Крокодил!

Если тебе случится побывать в роликовом цехе 1-го государственного подшипникового завода имени Л. М. Кагановича, ты, может быть, заметишь красное знамя, висящее над лучшим агрегатом чистой шлифовки конических роликов 1-го отделения. Возможно, что тебе захочется прочитать, что написано на

этом знамени, и ты попытаешься расправить его, чтобы удобнее было читать. Не делай этого! Иначе ты кровно обидишь лучших стахановцев роликового цеха, потому что на этом знамени написано: «Лучшей артели по пошивке и ремонту обуви».

Дело в том, что когда настало время вручать знамя рабочим этого агрегата, руководители цеха страшно зато-

ропились и приобрели первое попавшееся знамя, не обращая внимания на то, что там было написано. А когда выяснился приключившийся конфуз, парторг цеха тов. Липовский пораскинул мозгами и нашел «гениальный» по своей простоте выход. «А вы повесьте, — сказал он, — знамя как-нибудь так, чтобы не заметили надписи». Так председатель цехкома тов. Головлев и

сделал, о чем я имею честь сообщить тебе, дорогой Крокодил, и всем твоим уважаемым читателям.

Н. КЛЮЧАРОВ

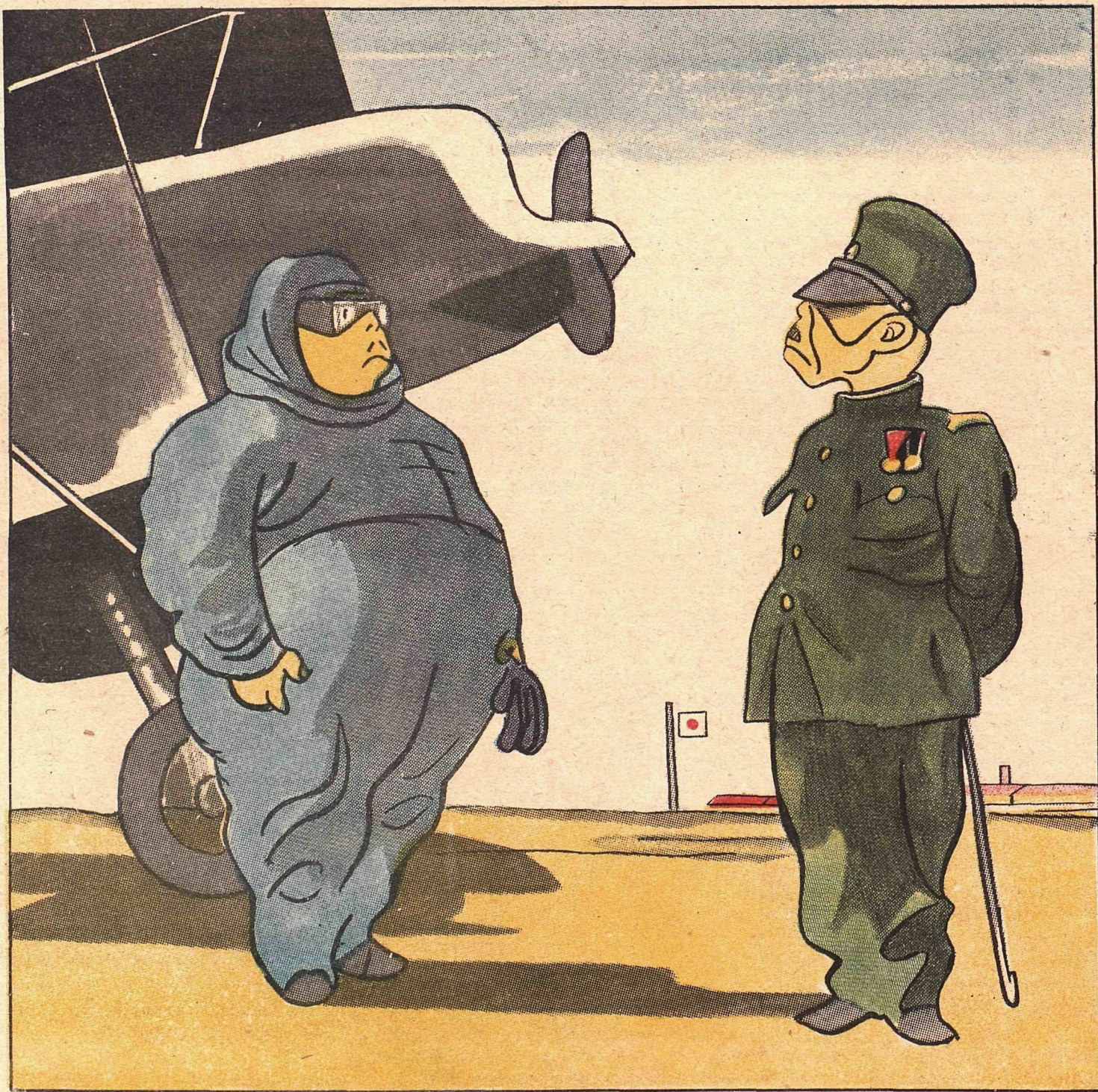
Москва

Милый Крокодил!

Вечером 7 августа я сдала в камеру хранения сухумского порта свой чемодан, а утром 8-го получила его обрат-

ТОЧНАЯ СПРАВКА

Рис. Л. Бродаты

- Сколько раз вы летали по этому маршруту?
- Сейчас уже не помню... Да в ноте СССР насчет перехода границы это точно указано.

но со взломанным замком. По самым скромным подсчетам, у меня украли вещей на 4000 — 5000 рублей.

Чемодан был мною застрахован всего лишь в 100 рублей. Но когда я пошла получить хотя бы эти деньги, некий портовый чин (фамилию его я не знаю) вежливо сказал мне:

— У вас в чемодане остались летнее пальто и туфли. Отдайте их камере хранения и тогда получите ваши 100 рублей. Ведь вы застраховали весь чемодан, целиком, а украли у вас не все.

Прикинув, что недоукраденные у меня пальто и туфли стоят около 1500 рублей, я также вежливо отказалась от страховой премии. Как говорится: себе дороже.

В соответствии со всем вышесказанным я предлагаю переименовать сухумскую камеру хранения в камеру глумлений.

ЕЛЕНА КОРКИНА
художник МХАТ СССР.
Москва

Дорогой Крокодил!

Я все время получаю выписанную мной газету по своему адресу, но с перевранной фамилией (то меня называют Рыбенко, то Рыбаненко, то Рябинева, то Рибиненко), то я осмелилась написать тов. Цесис, заведующему нашим почтовым отделением, письмо с просьбой не искажать моей фамилии при адресовке мне газеты. Оскорбленный Цесис написал мне:

Рис. К. Ротова

— Приятно, чорт возьми, что в столовой у нас появились вилки и ножи. Теперь рук мыть не надо.

«Вам должно быть стыдно так писать, и предупредить нам, что ваша фамилия такая или другая. Нас совсем не интересует ваша фамилия и вы не должны обидеться если вам на газете не верно написали фамилию... лишбы вы получили газету и своевременно его самое главное. Но вообще вам нечего делать так вы решили заниматься гордостью вашей грамотности мы очень довольны вами и ситно вашей образованностью и на дальше не пишите таких глупых записок извините что я так выражаюсь ибо нечего слушать».

Дорогой Крокодил! Неужели фамилия подписчика лишена неприкосновенности и каждый безграмотный человек может ее беспрепятственно перевернуть, как ему угодно. Мне моя фамилия нравится и менять ее на любую из предложенных мне тов. Цесис я не собираюсь.

Е. РЫБИНСКАЯ
Ст. Кремно,
Югозападных железных дорог

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе, что в Краснодаре разрешена проблема бессмертия.

Это явствует из объявления, которое я прочла на краснодарском кладбище:

«Смерти, не зарегистрированные до 15 августа, считаются недействительными».

М. АНГАРСКАЯ
Краснодар

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

А ТАМ ДАЛЕКО, НА ТЕКУЩЕМ СЧЕТУ

Можно ли откомандировать человека не в город, село, колхоз, край, а на текущий счет в банке? Вероятно можно, раз заведующий отделом кадров амурского земельного управления тов. Гертман послал председателю подведомственного ему колхоза «Красный партизан» следующее отношение:

«Вторично предлагаем перечислить средства на обучавшегося вашего курсанта курсов колхозных счетоводов тов. Михалева И. Д. в сумме 550 рублей, если средства не будут перечислены к 1 июля 36 года **БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ СНЯТЬ С УЧЕБЫ ВАШЕГО КУРСАНТА И ОТКОМАНДИРОВАТЬ ОБРАТНО, НА ТЕКУЩИЙ СЧЕТ ГОСБАНКА В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ** Ам. Облзю № 156/1276.

Зав. отд. кадров Гертман».

Раз Гертман угрожает откомандировать обратно тов. Михалева на текущий счет Госбанка, можно было бы предполагать, что тов. Михалев до поступления на курсы колхозных счетоводов проживал как раз на этом самом текущем счету. Однако тов. Михалев этот факт категорически отрицает. Очевидно, дело просто в том, что в свое время тов. Гертмана кто-то спешно откомандировал с курсов по ликвидации малограмотности как раз на этот самый текущий счет Госбанка, — вот ему одному недоучившемуся и скучно.

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Что касается известного писателя Владимира Галактионовича Короленко, то таковой умер только один раз — в 1921 году. Это очень странно, если учесть, что родился он дважды: 27 июня 1853 года и 27 июля того же года. Во всяком случае так написано в настольном календаре за 1936 год, изданном Укрполиграфканцтрестом. Проникнутый глубоким уважением к памяти покойного писателя, упомянутый трест отметил приведенные нами даты рождения Короленко на листах календаря от 27 июня и 27 июля этого года.

Ждем от Укрполиграфканцтреста дальнейших сенсационных сообщений.

КОСЫЕ ЩЕКИ

Просто удивительно, что выделяет с отдельными деталями человеческой физиономии заместитель редактора газеты Окуловского бумажного комбината «Рупор ударника» Суханов. Прямо скажем, никто так не мог разбудить дремавшие доселе способности заурядных человеческих щек.

Произошло это 11 сентября 1936 года в написанной Сухановым заметке «Зима придет без предупреждения». В этом безусловно нерукотворном памятнике изящной словесности Борис Суханов поделился с читателями газеты своими достижениями по части щек:

«В этот день 8 сентября Лебедева мы не встретили, но рассказывая ему о случившемся его румяные щеки немного покосились делая кривую улыбку, он неожиданно воскликнул «Какой вздор! Я очень даже беспокоюсь».

По точному смыслу приведенной цитаты Лебедеву о случившемся рассказали его собственные румяные щеки, причем, не довольствуясь этим, они еще покосились и, очевидно, собравшись с последними силами, еще сделали кривую улыбку.

Конечно, мы с полным правом могли бы, продолжая изысканный стиль цитируемой нами заметки, отметить, что у нас глаза стали дыбом от безграмотной чепухи, преподносимой своим читателям Б. Сухановым, но мы считаем возможным ограничиться восклицанием: «Какой вздор! Мы очень даже беспокоимся!» И беспокоимся прежде всего за газету, которую редактирует откровенно безграмотный заместитель редактора.

СТРАШНЫЙ ДОКТОР

Цепкая ночная жуть охватывает читателя «Оренбургской правды», когда он читает помещенное в ней объявление некоего врача Мышкина:

Врач Мышкин

Принимает на дому от 3-х до 7-ми часов вечера по внутренним детским и венерическим болезням.

Нисколько не сомневаясь в том, что приемная этого чрезмерно обремененного специальностями врача вряд ли переполнена жаждущими его помощи больными, мы все же не можем без страха и чувства некоторого отвращения представить себе, как в одной и той же комнате рядышком сидят в ожидании приема аскулапа-универмага сифилитики, кормящие матери с грудными младенцами на руках и больные, страдающие, к примеру, язвой желудка. Хотя последних и так всегда тошнит.

Интересно, читает ли Оренбургский отдел здравоохранения объявления, печатаемые на страницах «Оренбургской правды»?

Редактор — МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. ● Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц

Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 932

Сдача текста и рисунков 21/IX—36 г.

Подп. к печати 3/Х—36 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120000.

Уполномоченный Главлита Б—29978

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1961

Тираж 266 000

50

Рис. И. Радлова

28 ОКТ. 1936

НА ИСПАНО-ПОРТУГАЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ 6957

— Какой дурак поставил здесь в такое горячее время пограничный столб?!

44